

Alexander RADVILOVICH

“I remember the feeling
of a neverending holiday
and freedom...”

Александр РАДВИЛОВИЧ

«Вспоминаю чувство
постоянного праздника
и свободы...»

An interview with Alexander Radvilovich, composer and professor of the St. Petersburg Conservatory, artistic director of the *Sound ways* New Music Festival, who graduated from Ten-year school at the Leningrad Conservatory in 1973.

Keywords: A. Y. Radvilovich, N. P. Shchemelinova, I. A. Braudo, V. G. Arzumanov, S. M. Slonimsky, P. A. Rossolovsky, M. S. Peskareva, the Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory, the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory.

Интервью с композитором, профессором Санкт-Петербургской государственной консерватории, художественным руководителем Международного фестиваля новой музыки «Звуковые пути» Александром Юрьевичем Радвилевичем — выпускником консерваторской школы десятилетки 1973 года.

Ключевые слова: А. Ю. Радвилевич, Н. П. Щемелинова, И. А. Браудо, В. Г. Арзуманов, С. М. Слонимский, П. А. Россоловский, М. С. Пескарева, Средняя специальная музыкальная школа Ленинградской консерватории, Санкт-Петербургская консерватория.

Александр Юрьевич Радвилевич — композитор, профессор Санкт-Петербургской государственной консерватории, основатель и художественный руководитель Международного фестиваля новой музыки «Звуковые пути», член жюри международных композиторских конкурсов в России, Украине, Германии, Франции. Гастролирует как композитор и пианист, читает лекции в российских и зарубежных вузах, на международных мастер-курсах в странах Европы, Азии и США. Радвилевич — первый российский композитор, читавший доклады на Международных летних курсах в Дармштадте.

В 1973 году А. Ю. Радвилевич окончил школу-десятилетку Ленинградской консерватории. Весной 2018 года он любезно согласился поделиться с журналом MUSICUS воспоминаниями о своей первой alma mater.

Дмитрий Брагинский. Александр Юрьевич, скажите, пожалуйста, как началась ваша «десятилетняя» жизнь?

Александр Радвилевич. Я поступил в первый класс школы-десятилетки в 1962 году, в год столетия нашей консерватории. Помню, что во время вступительных экзаменов на первом этаже было полно детей, стоял гвалт и шум. Один мальчик так расшалился, что с разбегу разбил себе лоб о дверную ручку в директорский кабинет. Сейчас трудно себе представить, но в школу поступало более ста человек! В первый класс приняли только одиннадцать. Среди них было три Лены — Мочкина, Баранова и Кожевникова, и три Саши — Хазанов, Желнин и я, а еще — Фаина Герштейн, Наташа Михайлова, Сережа Шмелев, Юра Осенчаков и Андрюша Шустов.

Начиная со второго класса к нам стали приходиться новые ученики; позднее сформировалось два класса: в классе «А», куда я попал, учились пианисты и теоретики, а в классе «Б» — инструменталисты. После всех этих пополнений и отсеиваний в обоих классах на выпуске нас оказалось тридцать восемь.

Д. Б. Какие воспоминания у вас остались от школьных лет?

А. Р. В основном смешные и курьезные. В младших классах мы, мальчишки, ходили в уродских мышино-серых кургузых пиджачках, а девочки — в неизменных передниках поверх плиссированных юбок, с чудесными кружевными манжетами и воротничками. После восьмого класса можно было забыть про школьную форму и проявить свою индивидуальность и в одежде. Юноши отпускали усы и длинные волосы, щеголяли в дефицитных тогда джинсах.

На большой перемене школа оглашалась нарастающим грохотом — все бежали по коридору к лестнице, а затем в столовку к буфетчице — тете Зое. Высшим шиком было приладить правое плечо к отполированным поколениями перилам и, скользя по ним, перемахнуть одним прыжком с верхней ступени на следующую площадку. На переменах за пять минут можно было успеть поиграть во дворе в мини-футбол «арабским мячиком», полазать по шестам в физкультурном зале или поиграть в «футбол» монетками на крышках фортепиано. А еще можно было зажать кран в коридорном умывальнике на четвертом этаже и окатить зазевавшихся ребят тугой струйкой воды. Девчонки скакали в «классики» или складывали кошачьи колыбельки. Из каждого класса на пе-

ременках доносились звуки фортепианных аранжировок то Битлов, то Led Zeppelin.

Занятия по физкультуре у Николая Кондратьевича Казарина чаще всего превращались в баскетбольный матч, причем в баскетбол с увлечением играли все — не только великаны. Малыши с восхищением относились к проказам старшеклассников. Помню, один из них на перемене забрался на шкаф с чучелом оскаленного волка в кабинете биологии и замер там, строя нам страшные рожи, а несчастная Любовь Ивановна Костюкевич никак не могла понять причины нашего веселья.

Классе во втором мы с одноклассниками заглянули в школьный подвал и обнаружили три гипсовых бюста Сталина. Со словами «Сталин был нехороший человек» я разбил кирпичом все эти изваяния.

Оглядываясь назад, я вспоминаю чувство постоянного праздника и свободы, хотя время было не таким уж и свободным. Мое познание мира музыки было сплошным праздником, сложности учебы преодолевались легко. Уроки проходили увлекательно — и история, и литература, и иностранный язык, и биология, и хор, и сольфеджио. Трудности для меня представляли точные науки, ведь по своему складу я — гуманитарий. Честно говоря, чтобы написать итоговую контрольную по алгебре в конце десятого класса, мне пришлось прибегнуть к самой настоящей

афере. Мой двоюродный брат в то время уже учился на физико-математическом факультете университета. В день экзамена он пришел в школу и спрятался в туалете на четвертом этаже. Я начал писать контрольную, а потом попросил разрешение выйти в туалет. Минуты за три брат решил задачи, которые были мне не по силам. Вернувшись в класс, я поделился готовым вариантом со своими друзьями, однако результат оказался неожиданным: все они получили «пятерки», а я — «тройку». Наш преподаватель Константин Константинович Эстрин, зная мои математические способности, подумал, что это я списал решение у своих товарищей.

Д. Б. Кто был вашим классным руководителем?

А. Р. В младшей школе классным руководителем у нас была замечательный педагог — Галина Ивановна Парийская. Все мы ее очень любили и расстроились, когда она уехала с мужем-дипломатом в Бирму. В старших классах руководителем стала учитель немецкого языка Маргарита Сергеевна Пескарева. Воспитывала она нас ненавязчиво, в ней никогда не было склонности поучать, в каждом из нас она видела личность. Наверное, поэтому с таким восхищением ее вспоминают бывшие ученики — от Темирканова и Гантварга до выпускников 2000 года.

Событием стала поездка в Таллин с Маргаритой Сергеевной в десятом классе. Впервые мы, и сразу большой компанией, оторвались от родителей. Распределившись компаниями по купе, спокойно разлили вино, зная, что Маргарита Сергеевна не будет нас мелочно контролировать.

В 2003 году мы с одноклассниками отмечали у меня дома тридцатилетие окончания школы и были рады снова увидеть Маргариту Сергеевну. С ней я поддерживал отношения вплоть до ее ухода из жизни в 2016 году.

Мы много читали и нередко обсуждали прочитанное. Помню, что тогда по рукам ходило издание «Преступления и наказания» Достоевского с иллюстрациями Ильи Глазунова, которое принес мой друг Слава Марголин. Вместе с родителями мы читали с фото-пленки «Раковый корпус» Солженицына, а потом оказалось, что книгу знают почти все одноклассники.

Должен сказать, что десятилетка всегда отличалась свободолюбием учеников и либерализмом учителей и администрации. На многие выходки одаренных (как тогда говорили) детей старались смотреть сквозь пальцы.

Д. Б. Кого еще из педагогов вы хотели бы вспомнить?

А. Р. Прежде всего, конечно, вспоминается замечательная плеяда преподавателей фортепианного отдела — Певзнер, Зелихман, Кунде, Меклер, Жуковская, Гугель, Румшевич, Черепнин. Да простят меня преподаватели-инструменталисты — их я знал меньше.

Уникальный преподаватель литературы Нелли Наумовна Наумова каждое свое занятие превращала в событие. Она вела сдвоенные уроки, и создавалось ощущение, что ты учишься в университете. Помнится, одно такое занятие она посвятила отцу Чернышевского!

С улыбкой мы слушали географа Бориса Владимировича Фишмана, с некоторой иронией относились к преподавательнице физики Инне Павловне Назарян, а на уроках по химии каждый раз ждали сочные шутки Софьи Исааковны Маркон. Признаком хорошего тона считалось похулиганить на занятиях по гражданской обороне. По тогдашней моде я (и не только я) отпустил тридцатисантиметровую гриву, а наш военрук Самуил Захарович Борейша постоянно боролся с этой «распушенностью». Однажды он выгнал меня из класса и дал тридцать копеек со словами: «Иди в Дом быта и коротко под-

**ХАРАКТЕРИСТИКА И УСПЕВАЕМОСТЬ УЧАЩЕГОСЯ
В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ**

Саша Радвилович способен и трудолюбивый мальчик. Быстро воспринимает новый материал и все задания выполняет аккуратно. Немного одиноко чувствует себя в коллективе, в силу замкнутого характера. На уроках всегда собран и активен, перемены проводит шумно. 1ый класс закончил с отличными оценками.

8/II-63,

Ки. рук. Туринская

ХАРАКТЕРИСТИКА УЧАЩЕГОСЯ:

При хорошем слухе, ритме, понимании музыки и технических данных, исполнительские результаты значительны. Не проявляет сознательных работами над выработкой какого либо типа постановки сочинения музыки!

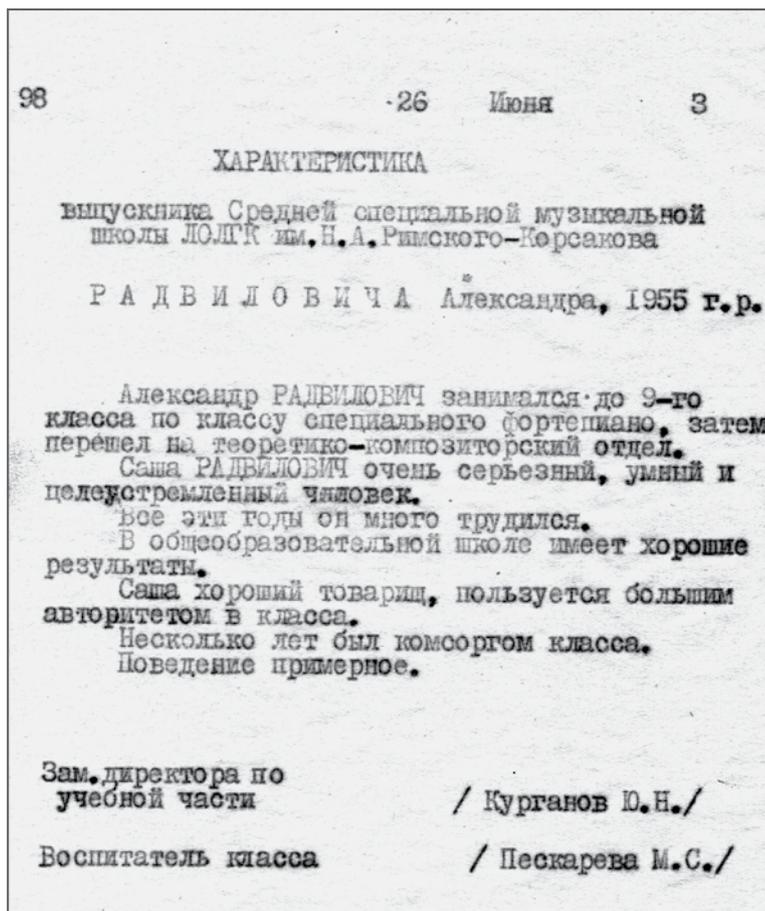
1-е полугодие

Установка работы	Репертуар
1) Выработаны свободный методичку	Грэх 2 ^м инвенции и мид. Гемзелен Софья №6 (кл)
2) Изучил сознательно работами над выработкой данной задачи.	Грэх - Сен-Санс Таверна Крамер Этюд 1, 2, 3, 4, 5, 7

КОНЦЕРТНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

ОТЗЫВ И ОЦЕНКА

Число и место	Программа	Отзыв и оценка
	Грэх 2 мид. прелюдия	
	Крамер 2 этюд	
	Гемзелен 6 вариаций на софий тему	
	G. dur	

стригись!» Конечно, никуда я не пошел, урок прогулял, а деньги после занятия вернул сокрушенному учителю.

Хочу вспомнить добрым словом нашего директора — Петра Алексеевича Россоловского, замечательного музыканта, руководителя старшего хора, в котором мы с удовольствием исполняли и *Missa solemnis* Бетховена, и «Курские песни» Свиридова. Петр Алексеевич однажды спас мою судьбу. Когда я учился в восьмом классе, на перемене возник дурацкий спор. «А слабо тебе выкинуть стул из окна?» — подначил меня Саша Желнин. «А вот и не слабо!» — сказал я и швырнул сломанный стул в открытое окно с четвертого этажа. Мне казалось, что внизу никого не было, однако стул упал прямо перед прохожими! К счастью, никто не пострадал, но скандал был страшный. Я оказался под угрозой отчисления, но Петр Алексеевич распорядился поставить мне «тройку» за поведение в четверти и дал испытательный срок. Конечно, в дальнейшем я не позволял себе столь глупых выходов.

Интересно и увлекательно вела занятия по сольфеджио Муза Вениаминовна Шапиро. Благодаря ее уникальной методике я без труда писал диктанты, и вступительные экзамены в консерваторию не представляли для меня никакой сложности.

По специальности как пианист я поступил в класс Наталии Петровны Щемелиновой. Позднее отец перевел меня в класс Валентины Яковлевны Кунде, но я не выдержал ее прессинга и вернулся к Щемелиновой. К сожалению, через год она ушла на пенсию. Так в восьмом классе в моей жизни произошел крутой перелом — моим педагогом стал легендарный музыкант Исай

Александрович Браудо, выдающийся органист и музыкальный мыслитель. Я ходил заниматься к нему домой, в знаменитую квартиру на Мойке 112 (сейчас на этом доме, напротив Новой Голландии, висит мемориальная доска Браудо). Занятия проходили в огромной комнате: это был просто зал с двумя гигантскими окнами, выходящими на Мойку. Можете себе представить — там стояли два органа и три рояля!

Исай Александрович был уникальным человеком, в молодости он серьезно занимался не только философией, но и точными науками. Однажды в начале урока он сказал мне: «Саша, я узнал, что у вас проблемы с алгеброй. Это нехорошо для музыканта. Вы должны решить это уравнение» и протянул листок с длинным примером. Я долго бился над задачей, но безрезультатно. Тогда Исай Александрович взял ручку и, быстро произведя логичные сокращения, вывел ответ: $x=2a$.

Занятия с ним были незабываемы. Большое внимание он уделял артикуляции и однажды мы целый час посвятили артикуляции в восьмитактовом периоде Бетховена. Ах, если бы в те годы я был хотя бы немного серьезнее...

В 1970 году Исай Александрович ушел из жизни, а я оказался в классе Зои Борисовны Хохловой. К тому времени я буквально заболел композицией, мог писать музыку по шесть-семь часов подряд и лишь благодаря Зое Борисовне совсем не забросил фортепиано. Мне предложили перейти на теоретическое отделение. Для многих это казалось крахом, но не для меня, ведь я уже был учеником класса композиции Валерия Грантовича Арзуманова. Он был ищущим, нестандартно мыслящим композитором и преподавателем от Бога. Благодаря его влиянию уже в школе я познакомился с творчеством композиторов нововенской школы, с произведениями Лучано Берлио, Штокхаузена, Булеза, Ксенакиса. Он так интересно вел занятия, что я оставался послушать, как он обсуждает сочинения младших учеников — Ольги Петровой, Ирины Цеслюкевич и других. Мы давно уже перешли на «ты» и не прекращаем дружить, несмотря на то, что мой бывший «шеф» давно живет во Франции.

Я оказался первым выпускником Арзуманова. В одиннадцатом классе он отвел меня в консерваторию на консультацию к Сергею Михайловичу Слонимскому, в класс которого я и поступил.

С тех пор прошло сорок пять лет, но я всегда тепло вспоминаю годы учебы в десятилетке.

С А. Ю. Радвиловичем беседовал
Д. Ю. Брагинский